

Белогурова Е. ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Социалингвистические исследования последних лет подтверждают предположение о том, что у каждого социального типа людей, у каждой речевой общности имеется свой набор произносительных стилей, зависящий от многих обстоятельств, и социальный статус носителя языка в условиях речевой коммуникации имеет непосредственное отношение к вариативности произношения и тесно связан с понятием «стиля произношения».

Нередко можно получить общее представление о социальном уровне говорящего по нескольким фразам, его настроению по акустическим особенностям произношения. Теоретически такое явление обусловлено положением о трехаспектном характере речи, выведенным К.Бюлером и развитым и дополненным Н.С. Трубецким. Согласно этому положению звук как знак обладает экспрессией, аппеляцией к слушателю и экспликацией (сообщением). Иными словами, «всегда можно определить, кто говорит, каким тоном и что он говорит», – подводит итог Л.И. Прокопова в своей статье об экспрессивной речи [1]. Немаловажную роль, по мнению английских социалингвистов, играют при этом фонетические шаблоны, выполняющие функцию эмоционального и социального окрашивания сообщения, а также его оценки при восприятии.

Социальный статус и принадлежность к той или иной речевой общности имеют непосредственное отношение к вариациям речи, носящим определенную метаязыковую информацию. Поэтому при общении двух носителей языка с разным набором стилей произношения становится необходимым преодолеть некоторый барьер для достижения «полной психологической ассимиляции» [2]. Ведущую роль при этом играет музыкальный слух, утверждает Ж.В. Ганиев [3], поскольку чем лучше слух и фонетический навык, тем разностороннее спектр произносительных стилей, которыми пользуется говорящий.

Одной из задач фоностилистики является изучение закономерностей функционирования фонетических средств в различных сферах и ситуациях общения. Представляется необходимым разъяснить понятия «фоностиль», «стиль произношения», «стиль произнесения». Неоднозначное понимание этих терминов и разный подход к трактовке приводит часто к некоторому несоответствию в описании одного и того же явления.

Термин «фоностиль» как определение «звуковой стилистики» был введен Ш.Балли и расширен Н.С. Трубецким [4].

Стиль произношения, в интерпретации Л.В. Щербы, – исторически сложившиеся разновидности произношения, приспособленные к задачам и условиям общения [5]. О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» приводит определение стиля произношения как разновидности произношения, выполняющей дифференцированную экспрессивно-оценочную функцию. Многие лингвисты считают это понятие синонимом «фонетическому стилю».

Произносительный (фонетический) стиль С.М. Гайдучик определил как «комплекс фонетических средств, свойственных речевому высказыванию, в данной форме и ситуации и в определенной сфере речевого общения» [6].

Итак, понятие «фонетического стиля» («фоностилия») включает в себя как средства сегментного, так и просодического уровня. Понятие «стиля произношения» ограничивается только сегментным уровнем и характеризует фонологические вариации в процессе речевой коммуникации.

И наконец, стиль произнесения, по мнению Л.Р. Зиндера [7], – это фонетическая реализация речевого сегмента. Следует отметить, что стиль произнесения характеризуется больше индивидуальными особенностями говорящего, непосредственно связан с понятием «идиолекта» и носит определенную экспрессивную окраску.

Экстралингвистика теснейшим образом связана с таким понятием, как стиль. Внеязыковыми предпосылками для выделения функциональных стилей являются такие факторы, как сфера общения и цели коммуникации, так как в соответствии с ними активизируется специфическая система отбора и употребления языковых средств на всех уровнях языка. Следовательно, функциональные стили находятся в тесных, но сложных взаимоотношениях с фонетическими. А.Селях утверждает, что конкретное использование фонетических возможностей зависит не только от сферы общения, как при выделении функциональных стилей, но и от многих других экстралингвистических факторов, которые являются основой стиливого употребления в речи фонетических средств [8]. Последние исследования показывают также, что выбор фонетических средств может вообще не зависеть от сферы общения. Возможно, основополагающим фактором в данном вопросе является цель и социальные предпосылки речевой коммуникации.

По мнению некоторых лингвистов, например, А.Л. Трахтерева, П. Пасси, стилиевая вариативность фонетических единиц речи коммуниканта зависит прежде всего от темпа речепроизводства, так как высокий темп речи предполагает большую редукцию, ассимиляцию и выпадение звуков и даже слогов, однако, без ущерба для смысла высказывания. Исходя из этого предположения делались попытки построить классификацию стилей произношения. Однако, необходимо заметить, что темп речи является одним из признаков и средств выражения определенного типа произнесения. Этот признак может так или иначе характеризовать ситуативную обусловленность речевой коммуникации и вызывать определенные вариации в произ-

ношении говорящего.

А. Мартине объяснял фонетические изменения в речи «принципом экономии», введенным в обиход в 1960 году. По существу он близок к «закону наименьших усилий» в исторической фонетике. Суть его в том, что стремление к упрощению артикуляции влечет за собой фонетические изменения.

С другой стороны, встречаются люди, обладающие относительно быстрым индивидуальным темпом и очень четкой и тщательной артикуляцией.

Г.Л. Лысенко подчеркивает, что общим для всех современных классификаций фонетических стилей является то, что в их основе лежит один и тот же тезис: «появление в речи тех или иных фонетических особенностей как на сегментном, так и на просодическом уровне обуславливается определенной экстралингвистической ситуацией, при которой происходит общение» [9].

Таким образом, каждый произносительный стиль характеризуется определенным набором фонетических средств выражения и предполагает большую вариативность фонологических переменных. Л.Р. Зиндер в своей работе «Экспериментальная фонетика и фонология» приводит мнение В. Дресслера о том, что «в структуральной фонологии следовало бы для каждого стиля давать свою классификацию фонем и аллофонов, потому что они в разных стилях характеризуются не одинаковыми позициями и дистрибуциями» [10]. «Такое положение практически неосуществимо,» – отмечается ниже, – «так как, по общему признанию, между максимально отчетливым и самым небрежным произношением возможно множество переходных ступеней». Следовательно, подобные системы и подсистемы фонем в каждом произносительном стиле внесли бы полную неразбериху в уже существующую систему транскрипции.

Норма всегда «уже системы, во всяком случае, если говорить о произносительной норме и фонологической системе. Орфоэпическая норма есть ограничение вариативности произношения. Однако, фонетическая система языка предполагает не только набор тех или иных элементов и фонетических единиц, но и характер и принцип отношений между ними, различные модели реализации в речи говорящих.

Л.П. Крысин в одной из своих работ [11] приводит мнение Ж. Вандриеса о том, что «правильный язык – идеал, к которому стремятся, но которого не достигают». Действительно, нормативное произношение не дает информации о социальном положении, образовании, месте рождения или долгого проживания носителя языка, а также не характеризует ситуацию и условия протекания речевой коммуникации. «Реальная норма – набор не обращающих на себя внимания элементов речи» [12].

В системе, однако, могут возникнуть новые варианты произношения, получить широкое распространение в речевом употреблении и постепенно вытеснить старые формы под влиянием ряда факторов внелингвистического характера. Изменения в условиях существования определенной социальной группы или даже целой речевой общности отражаются на изменении речевой деятельности носителей языка. Пределы вариативности в таком случае могут быть подчас весьма широкими и неожиданными.

Таким образом, в современном языке может возникнуть новая орфоэпическая тенденция. С другой стороны, неосознанное представление и стремление каждого человека к литературной и произносительной норме определяют его речевое поведение, а уровень культуры и образования предопределяют набор фонетических стилей. «Фактор социальной мобильности – как вертикальной, так и горизонтальной, – как известно, способствует устранению из речи говорящего черт, противоречащих общепринятому узусу,» – подчеркивает в своей работе «Социальная маркированность языковых единиц» Л.П. Крысин [11]. Он же указывает на еще один параметр, связанный с нормой, но все же обособленный, по которому оценивается речь говорящего и который определяет его речевое поведение, – это престиж. «Очевидно, что социальный престиж литературного произношения в современном обществе выше, чем социальный престиж произношения диалектного или просторечного», отмечает автор.

Английские лингвисты во главе с Р. Кверком считают, что стили языка, характеризующие определенные ситуации и цели общения не являются неизменными и даже абсолютно необходимыми, т.к. в современном функционировании языка стираются границы между стилями. Л.Г. Лузина приводит мнение Дж. Робинсона о том, что «стили, уместные в ситуации официального общения, или «вежливые» стили (polite styles), находятся в состоянии упадка. Он подчеркивает, что современная неформальность, простота общения не только не способствует, но и препятствует развитию и самосохранению личности индивида в обществе: «Эта простота, в действительности, имеет тенденцию к отрицанию личности тем, что отрицается различие между стилями, уместными для одного и другого» [13]. Современное состояние языка связывается также с определенными изменениями в речевом общении и в социальных отношениях.

И задача любого социолингвистического или фоностилистического исследования состоит в том, чтобы получить полное представление о реальном употреблении языка его носителями.

В университетах Германии с центрами в городах Кельн и Халле (Köln, Halle) лингвистами осуществляется с 1990 года всегерманский проект создания новых кодифицированных требований к орфоэпии немецкого языка. Данный проект включает в себя изучение произношения носителей языка в различных стилистических и социальных контекстах. На базе таких исследований ученые предполагают создать свод рекомендуемых вариантов произношения, которые были бы желательны и предпочтительны в определенных ситуациях и условиях общения.

Это имеет огромное значение не только для немцев, но и для изучающих немецкий язык, так как владение любым иностранным языком предполагает также владение социально-речевыми нормами и правилами речевого поведения, которых придерживаются носители данного языка, владеющие орфоэпической нормой, и которые проявляются в определенных типичных ситуациях общения.

Самой распространенной формой устной речи является спонтанная речь. Спонтанной речью можно назвать любую форму устной речи с различной степенью подготовленности, различной тематикой и различной структурой, например, диалог, полилог, доклад или лекция, которые не читаются с опорой на письменный текст, а проходят в стиле размышлений на данную тему.

Интересен тот факт, что понятие «спонтанная речь» отсутствует в большинстве словарей лингвистических терминов. В то же время почти все психологические словари так или иначе дают определение спонтанной и разговорной речи, приводят ее разновидности и жанры. Это прекрасно иллюстрирует тот факт, что широкое исследование спонтанной речи началось в лингвистике сравнительно недавно, тогда как психологи занимаются данной проблемой уже более двух веков.

Самые различные факторы протекания речевой коммуникации делают спонтанную речь крайне несовершенной в фонетическом аспекте. Фонетические средства спонтанной речи подвержены очень большим изменениям. Л.П. Блохина отмечает в своей статье «Специфика фонетических организаций спонтанных текстов» мнение английских лингвистов, что «сохранение всех норм литературного языка в спонтанной речи, и особенно в ее разговорной форме, является для носителя языка аномальным и имеет место, как правило, лишь в речи иностранцев. Подобная речь оценивается как нечто неестественное, как речевой педантизм» [14].

Конечно, для говорящего существует одна цель: быть понятым. При этом он стремится говорить понятно, не всегда отдавая себе отчет в том, как реализуется его намерение, как происходит его артикуляция и т.д. Спонтанная речь всегда содержит какие-то отклонения от нормы. Но не всегда речь идет об упрощении, ассимиляции и редукции. С другой стороны, в условиях цейтнота, что является одной из главных особенностей спонтанной речи, говорящий больше обращает внимание на то, что, а не как, он говорит. Высказывание должно соответствовать контексту. При этом, конечно, он может корректировать свою речь в зависимости от невербальной (и вербальной) реакции слушающего.

Кроме того, распространенное явление в спонтанной речи – повторы, оговорки, грамматически неправильные конструкции, неточности, хезитации разного рода, нелексические звуко сочетания, подмена слов и т.д. Повторы, ориентированные также на фонетическое оформление высказывания, дают говорящему возможность воспользоваться готовой фразой или сориентироваться в контексте беседы, а также скрепляют разговор, указывая на то, что собеседник согласен с вышесказанным.

Спонтанная речь реализуется в трех основных жанрах, в совокупности представляющих наиболее универсальную классификацию: монолог, диалог и полилог с их соответствующими подвидами.

Монолог в спонтанной речи реализуется как рассказ одного человека, обращенный к реальному или воображаемому слушателю. Принято причислять к этому жанру интервью, в котором реплики собеседника, берущего интервью, сводятся к минимуму, и лекция без письменной опоры, ориентированная непосредственно на реакцию слушателя.

Полилог характеризуется тем, что в разговоре участвуют более двух человек. Важнейшей чертой является одновременное участие нескольких собеседников в развитии нескольких тем. При этом обычно возникает феномен наложения, когда трудно со стороны разобрать такую речь, но для самих коммуникантов, однако, не составляет проблемы развивать свою мысль и понимать речь соседей. Существует также возможность возникновения «речевого коктейля», когда в ограниченном пространстве звучат одновременно несколько диалогов или даже полилогов, не включенных в единое информационное русло.

Диалог характерен тем, что в нем участвуют два собеседника. Диалог – это самый распространенный жанр спонтанной речи. В зависимости от различных экстралингвистических условий выделяют множество подвидов диалога, например, дискуссии, обмен мнениями, бытовые и телефонные разговоры. Дискуссия характеризуется предварительным выбором темы, беседа же тематически не ориентирована. Н.Н. Трошина [15] приводит черты экстра- и интралингвистического характера, характеризующие различия дискуссии и беседы: «1) в дискуссии говорящие располагают большим запасом времени для обдумывания и формирования высказываний, нежели в беседе; 2) в дискуссии чаще, чем в беседе используются длинные предложения, расчленяемые и прерываемые контактными парентезами».

При визуальном контакте говорящие имеют возможность пользоваться жестами и мимикой, следовательно, в речи появляется масса эллиптических форм. В связи с этим телефонные разговоры можно противопоставить диалогам с визуальным контактом, т.к. участники подобной коммуникации вынуждены делать лишние повторы, проверяя, услышаны ли они и правильно ли поняты.

С другой стороны, диалоги могут быть классифицированы по активности участников: когда оба партнера по коммуникации одинаково активны; когда один говорит больше другого, а, следовательно, возникают монологические вставки; когда происходят наложения, то есть оба коммуниканта говорят одновременно.

Дж.Браун считает также, что обычная функция неформальной беседы заключается не в передаче информации, а в установлении или поддержании социальных отношений. При этом информативное содержание беседы второстепенно.

Общеизвестно, что в акте коммуникации отражаются не только принятые условности, но и определенные социальные отношения. Речевая коммуникация выполняет несколько функций, например, речь должна быть понятна, должна поддерживаться тема беседы, должен быть соблюден социальный статус коммуникантов. Некоторая степень формальности всегда присутствует при обращении к незнакомому человеку, к лицу, занимающему более высокое социальное положение и т.д. Если участник коммуникации

восприимчив к выражению такого рода различий в речи, то их соблюдение может оказаться решающим условием «успешности» речевого взаимодействия [16].

Можно выделить также специфические виды диалога: стереотипы, ситуативные клише, краткие автоматизированные реплики-реакции, а также «фатическая речь», которая служит не для обмена информацией, а для целей самого акта общения. Чаще всего это фрагменты диалогов, начало и концовка диалога. Большое место в функционировании современного языка в условиях спонтанной речи занимают фонетические шаблоны.

В социолекте, который устанавливает свои нормы произношения, определенный тип произнесения слова может заключать в себе положительную или отрицательную экспрессивную окраску. В результате возникает социальное обусловленные фонетические шаблоны. Они приобретают определенную семантическую значимость, своеобразный код, указывающий на то, как, с каким смыслом должно восприниматься то или иное высказывание. Подобные шаблоны указывают на социальный контекст беседы, желание говорящего установить определенные социальные отношения.

«Шаблоны не в меньшей, а скорее в большей степени, чем другие языковые средства, характеризуют беседу, так как их использование соответствует функции беседы в предлагаемом Дж.Брауном смысле – установление и поддержание социальных отношений», - отмечает Л.Г. Лузина в своей работе [17].

Кроме того, фонетические шаблоны, употребляемые говорящим в процессе беседы, указывают на отношение к сообщаемой информации.

А.Д. Петренко подчеркивает: «В исследовании вариативности произношения малых социальных групп ведущим является ситуативный аспект изучения речи. Поэтому необходимо отметить тот факт, что вскрытая в ходе экспериментальной работы фонетическая вариативность речи в различных коммуникативных ситуациях может являться типичной не только для представителей данной социальной группы. Возможно и вполне вероятно, что подобные реализации присутствуют и в речи представителей иных социальных групп, однако, подобные реализации могут быть иначе распространены и распределены в их речи в соответствии с иными социальными факторами, сферами и ситуациями общения» [18].

Литература

1. Прокопова Л.И. О некоторых признаках экспрессивной речи // Экспериментально-фонетический анализ речи: Проблемы и методы – Л., Изд-во ун-та, 1984, с. 152-157
2. там же.
3. Ганиев Ж.В. Социофонетика и фоностистика (к методике эксперимента) – В кн.: Социолингвистические исследования – М., 1976
4. Трубецкой Н.С. Основы фонологии – М., 1960, 372 с. – с. 22
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность – Л., 1974
6. Гайдучик С.М. О фонетических стилях современного немецкого языка // Филологические науки, 1972, №4
7. Зиндер Л.Р. Экспериментальная фонетика и фонология // Труды МГПИИЯ им. М. Тореза, 1982, №2
8. Селях А. Фоностилистическая дифференциация разговорной речи: Автореферат дисс. к.ф.н. / Минский ГПИИЯ – Минск, 1977
9. Лысенко Г.Л. Фоностилистическая вариативность слога в немецком языке // Просодия текста // Труды МГПИИЯ им. М. Тореза – М., 1980, вып. 169, с.15-21
10. Зиндер Л.Р. Экспериментальная фонетика и фонология // Труды МГПИИЯ им. М. Тореза, 1982, №2, с.117
11. Крысин Л.П. Социальная миркированность языковых единиц // ВЯ, 2000, №4
12. Вербицкая Л.А. Система и норма (фонетический аспект) // Труды МГПИИЯ им. М. Тореза – М., 1982, вып. 201, с.87 – 96 - с. 94
13. Лузина Л.Г. Функционально-стилистические особенности звучащего текста // Звучащий текст – М., 1980, с. 132
14. Блохина Л.П. Специфика фонетических организаций спонтанных текстов // Звучащий текст – М., 1983, с.62
15. Трошина Н.Н. Типология звучащего текста // Звучащий текст – М., 1983, с.164
16. Лузина Л.Г. Функционально-стилистические особенности звучащего текста // Звучащий текст – М., 1980, с. 135
17. Лузина Л.Г. Функционально-стилистические особенности звучащего текста // Звучащий текст – М., 1980, с. 140
18. Петренко А.Д. Тенденции развития немецкого произношения в социолекте студентов Германии // Дисс. канд. филолог. наук – Киев, 1986, 220 с.